

Русский - язык любви | Le russe est la langue d'amour

Auteur: НГ, [Женева](#) , 07.06.2017.



А. Н. Бородавкин во Дворце Наций (photo V. Khassianov)

Под таким девизом прошел вчера в Европейском отделении ООН в Женеве День русского языка, традиционно отмечаемый в день рождения А. С. Пушкина.

|

Ceci était le slogan de la Journée de la langue russe, célébré hier au Palais des Nations à Genève.

Le russe est la langue d'amour

Заявленной теме были посвящены выступления артистов московского Театра им. В. Маяковского Любови Руденко и Алексея Фатеева, а также картины Татьяны Годовальниковой и офорты Виталия Губарева – романсы, стихи, заснеженные дороги с тройками на них, церкви и кокошники. Все знакомое и априори любимое.

Однако самым симпатичным моментом программы стала речь российского постпреда Алексея Николаевича, которую он писал сам и над которой, видимо, немало потрудился. Слушая ее во Дворце наций мы, с одной стороны, радовались за переводчиков, которым не пришлось ее переводить (вы скоро поймете, почему), а с другой – огорчались из-за отсутствия перевода, поскольку некоторые пассажи явно прошли мимо даже тех находившихся в зале иностранцем, кто владеет русским. Нам показалось уместным привести эту речь почти полностью, тем более, что А. Н. Бородавкину удалось элегантно перейти от любви, заметив при этом, что «именно на моем родном языке это чувство может быть передано наиболее образно и страстно», к главной теме текущего года - революции. И вот каким образом.



Первым к собравшимся обратился Генеральный директор Европейского отделения ООН Майкл Моллер (© V. Khassianov)

«В год столетия Русской революции уместно поговорить о русском языке именно в контексте тех великих и трагических событий, которые произошли в России в феврале – октябре 1917 года.

Февральская революция буквально взорвала всю страну митингами, публичными диспутами, дебатами в различных комитетах, советах и собраниях. Ожесточенные споры между представителями разных политических партий и движений шли в окопах на фронте, в деревнях, на фабриках и заводах. В течение целых месяцев каждый перекресток Петрограда и других русских городов постоянно был публичной

трибуной. Россию затопил такой поток живого слова, который до тех пор никто нигде в мире никогда не видывал. Думаю, что современные ток-шоу и интернет-форумы являются лишь бледным подобием этой митинговой стихии.

То же самое происходило и со словом печатным. Тысячи организаций издавали сотни тысяч политических брошюр, которые распространялись на фронте и в деревнях, заводах и городских улицах. Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду.

Я говорю об этом с такой уверенностью потому, что пересказываю слова очевидца – известного американского журналиста Джона Рида, который находился в России в 1917 году и опубликовал свои наблюдения в знаменитой книге «10 дней, которые потрясли мир». И вот еще одна его дневниковая запись: «Мы приехали на фронт в XII армию, стоявшую за Ригой, где солдаты погибали в окопной грязи от немецких пуль и снарядов, от недоедания и болезней. Завидев нас, они поднялись навстречу. И первый вопрос был: «Привезли ли что-нибудь почитать?»»



Выступает Любовь Руденко (photo V. Khassianov)

Изменилась Россия, изменился народ, изменился и русский язык. Иной стала лексика. Простые крестьяне, рабочие, солдаты, матросы буквально за несколько месяцев освоили еще недавно неведомые им термины и понятия - «мир без аннексии и контрибуции», «национализация фабрик и заводов», «диктатура пролетариата», «демократия», «социализм», «классовая борьба». У известного русского писателя

Бориса Лавренева в повести «Ветер», посвященной судьбе балтийского матроса Василия Гулявина, есть такие слова: «В июне знал уже Василий много слов политических и объяснить мог досконально, почему Керенский и прочие – сволочи и зачем трудящемуся человеку не нужно мира с Дарданеллами и контрибуциями».

Радикально изменился и официальный государственный язык. Сравните: вот начало царского манифеста о мобилизации, опубликованного 20 июля 1914 года. «Божею милостью мы, Николай второй, Император и самодержавец всероссийский, Царь польский, Великий князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая объявляем всем верным нашим подданным: следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови с славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно...» Такое впечатление, что этот текст мог быть написан даже во времена Петра I или Екатерины II. А вот пример нового политического языка: Декларация Временного правительства о его составе и задачах от марта 1917 г. «Граждане! Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, что он позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти...». Кстати, написано безграмотно – из текста следует, что это старый режим позволяет приступить к устройству исполнительной власти.



Песни под гитару в исполнении Алексея Фатеева (photo V. Khassianov)

Но революция не останавливается на полпути. Радикализм быстро достигает апогея.

Приведу пример этого, переложенный на язык воззвания большевиков от 25 октября 1917 г. (по старому стилю). «От военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов к гражданам России. Временное

Правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Военно-революционного Комитета, стоящего во главе Петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского Правительства – это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

Абсолютно новым явлением в революционном русском языке стали лозунги. Надо отдать должное большевикам. Их лозунги попадали в цель со стопроцентной точностью: «Вся власть советам!», «Мир народам!», «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!». Сказать по правде, ничего этого осуществлено не было за все более чем 70 лет советской власти. Но в октябре 1917-го сработало безотказно. Думаю, что любой блогер сегодня позавидует отточенности и целеустремленности этих формулировок.

После Февральской революции в официальный русский язык вошли многочисленные сокращения. Появились различные ЦК, ИК, ЦИК, СОВДЕП, ВИКЖЕЛЬ и т.д. Ну а после октября – НАРКОМПРОС, НАРКОМЗЕМ, НКВД... И самое известное, пожалуй, грозное сокращение – ВЧК, и много раз высмеянное: ЗАМКОМПОМОРЕ, что означает заместитель комиссара по морским делам.



1905

Спасская Покра

12/50

М. П. Г. Г.

Один из чудесных офортов Виталия Губарева (photo V. Khassianov)

Естественным следствием модернизации смыслового содержания русского языка в 1917 году стал декрет об упрощении его формы, т.е. правописания. Из алфавита исключили буквы: ять, фита, и десятеричное. Исключался твердый знак в конце слов. Вводился еще целый ряд упрощений. Надо сказать, что и после реформы орфография русского языка осталась исключительно сложной. Но то, что было до 1917 года, современному человеку даже представить себе страшно!

Конечно же, коренным образом изменился русский литературный язык. Я не литературовед, поэтому пытаться дать профессиональный анализ мне просто не по плечу. Но хорошей иллюстрацией того, что я сказал, наверное, будут строки Маяковского, одного из самых ярких представителей революционного поколения русских поэтов, который смело экспериментировал со словом. Вот пример из его поэмы «Хорошо».

«Время – вещь необычайно длинная, – были времена – прошли былинные. Ни былин, ни эпосов, ни эпопей. Телеграммой лети, строфа! Воспаленной губой припади и попей из реки по имени – «Факт»... Мы распнем карандаш на листе, чтобы шелест страниц, как шелест знамен, надо лбами годов шелестел».

Да, 1917 год до неузнаваемости изменил Россию. Я же попытался кратко описать, как революция преобразовала русский язык. Понятно, что мое выступление не претендует на серьезное исследование, а является лишь скромной попыткой поделиться с вами кое-какими соображениями и умозаключениями. Но факт остается фактом. Сейчас, несмотря на дальнейшие изменения и преобразования, мы преимущественно продолжаем говорить и писать на том русском языке, который приняла Россия после 1917 года».

От редакции: Для тех, кто, как и мы, споткнулись на аббревиатуре ВИКЖЕЛЬ, поясняем – так именовался Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза, организация, созданная на 1-м Всероссийском учредительном съезде железнодорожников в 1917 году. А «десятеричное», к вашему сведению, – это всего-навсего буква і с точкой. Числовое значение ее в кириллице, как и в греческом алфавите, — 10, отсюда распространённое название «И десятеричное», использовавшееся для отличия от буквы И (иже), называвшейся «И восьмеричное».

[русские](#)

[памятники культуры](#)

[достопримечательности швейцарии](#)

Статьи по теме

[В Женеве отметили День русского языка](#)

[Вчера в Женеве отметили Международный день русского языка](#)

[День русского языка в Женеве - постскриптум](#)

Source URL: <http://nashgazeta.ch/news/politique/russkiy-yazyk-lyubvi>